

В провинции различается не столько упадок и энтропия культурных значений, сколько их гибридизация. Провинция оказывается местом селекции нового. Новаторы, как правило, провинциалы. Провинциальные культурные инновации, ассимилированные столичной культурой, могут изнутри покорить ее самое. Поэтому обычно либерализм культурной деятельности столиц сменяется усилением агрессивной консервативности после того, как провинциальные гении и новаторы начинают поднимать голову и выкидывать птенцов из гнезда. Провинциальные кукушата – опасная приманка для жаждущего разнообразия столичного вкуса. Можно говорить теперь о провинциализме вне какой-либо связи с географией, ориентируясь только на топологию самой культуры. Сегодня мы наблюдаем новую неразличимость провинции и центра.

Ключевые слова: провинциализм; культура; центр; периферия; географическая столица; культурная столица; культурные инновации; гибридизация; консерватизм. /

О провинциализме / On Provincialism

текст
Александр Раппапорт
text
Alexander Rappaport

В последнее время термин «провинция» понемногу начинает менять свои коннотативные смыслы. Еще недавно он казался обидным, обозначая место, лишенное не только благ цивилизации и культуры, но и людей, способных оценить эти блага. Совсем забылось, что само по себе слово обозначает «за победу», то есть земли, которые римские генералы получали за победу над варварами. А еще недавно оно обозначало чуть ли не варварство.

Положение меняется с развитием коммуникаций. Особенно Интернета. Теперь жители самых глухих местечек практически имеют в своем распоряжении почти то же, что и люди, живущие в центре Лондона, Москвы или Нью-Йорка. Они читают свежие газеты, скачивают и читают редкие книги, новые фильмы и слушают любую музыку. Общаются в «Скайпе» с друзьями и публикуют свои мысли в блогах, делая их достоянием всего населения планеты. То есть нынешняя провинция обладает всем, о чем и не мечтали жители былых столиц, кроме одного – невыносимо грязного воздуха и утомительного шума. Но и лет тридцать тому назад понятие провинции имело смысл обсуждать, как важную тему.

Тема провинции оказывается существенной и актуальной одновременно во множестве отношений. Например, в искусствоведении или культурологии она важна для изучения периферийных областей больших культурных регионов. Можно говорить о культуре провинций Римской империи, провинциальных районов России, китайских провинций и пр. Не менее важно и самосознание субъекта культуры – признает ли себя человек (художник, писатель или просто обыватель) провинциалом или же он считает себя «столичным», «центральным» человеком.

Тема провинции имеет солидную историю в политологии и политической географии. Здесь она и рождается, откуда она и проникает во все другие сферы, в частности в культуру и искусство. В политическом отношении провинция – дочь империи и империализма, с его центральностью, центристемностью и центробежностью его инициатив. Подлинная центральность и столичность рождена абсолютной монархией, во многом реализо-

вавшей потенции империи, хотя и на малой территории. Таким образом, оппозиция центр – периферия или центр – граница оказывается структурно тождественной оппозиции столица – провинция, и, сопоставляя разные смысловые оттенки этих категориальных оппозиций, нам, возможно, удастся выяснить кое-что новое в смысловом содержании категории «провинция».

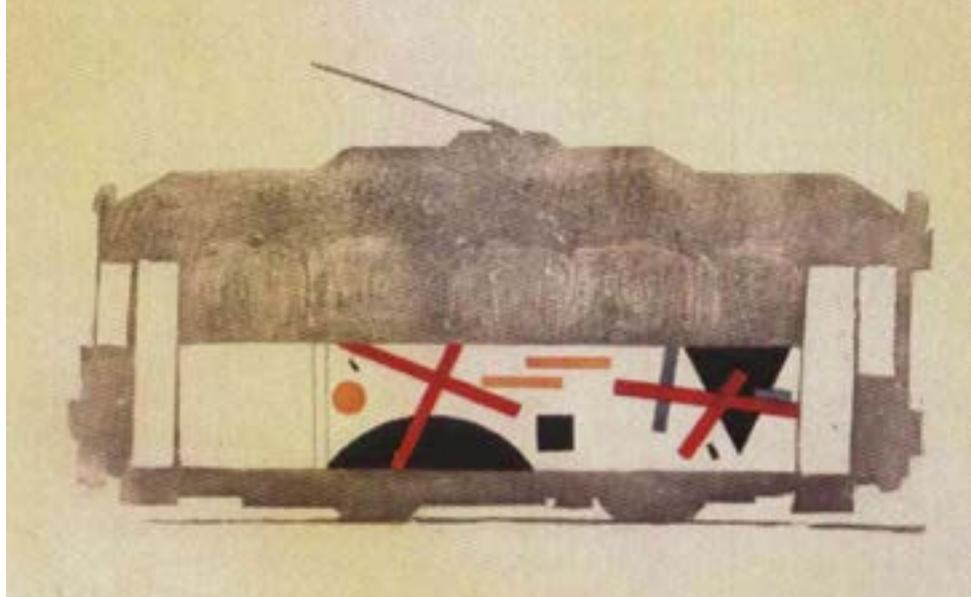
Но можно указать и на метафорические возможности этих категорий. Скажем, периферийное или боковое зрение можно уподобить провинции зрительного поля, а его пятнистость и нечеткость истолковать как соответствующую дезориентированность провинции, хотя, конечно, такая метафора в ценностном смысле и односторонняя и неточная. Ведь сказано поэтом: «Лучше жить в глухой провинции, у моря».

В провинции, увиденной изнутри, однако, мы можем различить не столько упадок и энтропию культурных значений, сколько гибридизацию их, и в этом смысле провинция оказывается местом селекции нового. Новаторы, как правило, как раз провинциалы. С точки зрения, которая различает политическую и культурную действительность, это представляется естественным. В географических центрах империй, часто совпадающих с центрами культуры, имеет место деятельность, направленная на выявление и очистку собственных культурных значений и ценностей. Эта деятельность имеет консервативный характер и может условно быть названа «академической». В провинции нет чистоты академической культурной парадигмы, зато есть случайное смешение культурных значений. Плоды такого смешения дают часто совершенно непредсказуемые, «любительские» результаты. Однако было бы напрасно ждать их «признания» от провинциалов: последние всецело ориентированы на столичную академичность. Поэтому честолюбивые новаторы, рождающиеся от смешанных браков провинциальной культуры, могут найти признание только в столице, которая лишена комплекса провинциальной неполноценности, досыта пресыщена аутентичными культурными символами и стремится уже не столько к академизму, сколько к новизне, видя в новациях достойный вызов себе. Так же как

Provinces demonstrate not only the decline and entropy of cultural values, but also their hybridization. A province is a place of selection of the new. Innovators are usually provincials. Provincial cultural innovations assimilated by the metropolitan culture can conquer it from within. That is why the liberalism of metropolitan cultural activity is usually replaced by the increased aggressive conservatism after the provincial geniuses and innovators start to raise their heads and throw the fledglings out of their nest.

The provincial cuckoo fledglings are a dangerous attraction for the metropolitan taste longing for diversity. Now it is possible to speak about provincialism independently of geography, merely focusing on the topology of culture itself. A new indistinguishability between a province and a center can be observed today.

Keywords: provincialism; culture; center; periphery; geographical capital; cultural capital; cultural innovations; hybridization; conservatism.

политический империализм стремится завоевать окрестные земли, так и столичная имперская культура готова ассимилировать провинциальные культурные инновации, хотя, конечно, это только часть ее желаний. На деле может выйти нечто прямо противоположное. Провинциальные культурные инновации, будучи ассимилированы столичной культурой, могут изнутри покорить ее самое. Поэтому обычно либерализм культурной деятельности столиц сменяется усилением агрессивной консервативности после того, как провинциальные гении и новаторы начинают поднимать голову и выкидывать птенцов из гнезда. Провинциальные кукушата – опасная приманка для жаждущего разнообразия столичного вкуса.

Метафорика провинции и столицы рождена эпохой малых скоростей и отсутствия средств массовой коммуникации. В настоящее время устойчивые признаки столичности и провинциальности смещены. Париж, говорят, стал в художественном отношении довольно убогой провинцией. В свое время Витебск ни с того ни с сего выскочил в определенных областях на уровень столичности. Москва за последние 20 лет стала более провинциальной. Можно говорить теперь о провинциализме вне какой-либо связи с географией, ориентируясь только на топологию самой культуры.

Авангард, как это следует из вышесказанного, в культурном смысле является типичным феноменом провинции, уже в силу своей пограничности. Конечно, можно в виде остроумной метафоры представить себе переход через границу культуры как действие цезаря и его армии. На деле, конечно, это так только в отношении поддержки культурных инициатив провинциалов столицей и в подготовке почвы к признанию инноваций. Авангард есть явление на границе культуры, осваивающее новые территории для культуры, – это деятельность пионеров, землепроходцев и т. п., отличающаяся от колонизаторов и миссионеров тем, что они не несут академические нормы на периферию, но, напротив, вытесняют академические традиции из центра провинциальными новообразованиями. Однако, существуя в столицах и принимая социальные формы столичного быта, авангард сам становится

явлением типично столичным и, в частности, элитарным. Так обособляются полюса элит – авангардистской и академической. При этом сословно-социальные условия существования элит открывают путь к смешанным бракам: дочери академиков могут интересоваться авангардистскими поисками и даже заключать здесь более или менее прочные браки. Женни Маркс была баронессой. Ротшильд собирает авангардистскую живопись и пр.

Характерный дух провинции – просветительство. История просветительства во Франции представляет в этом смысле скорее аномалию. Ведь просветители – это миссионеры, а поле деятельности миссионеров – провинция.

Провинциализм и революция

Инновации, идущие из провинции, не всегда приводят к революции. Это происходит только тогда, когда в провинции раздаются принципы, разрушающие иерархический строй культурных ценностей столицы. Если система культурных категорий столичной онтологии не способна ассимилировать нововведения на периферии своей системы, то эти нововведения могут стать новыми центрами иерархии значений, что приведет к так называемой смене парадигмы, то есть к культурной революции, в соответствии с концепцией научных революций Куна. История научных и культурных революций, однако, показывает, что судьба послереволюционных культур, как и послереволюционных обществ противоречива. Часто в них побеждают восстановительные процессы, и, во всяком случае частично, наблюдается реставрация прошлых парадигм. Этот процесс сам по себе приводит к общей, абсолютной провинциализации культуры, так как культура центра или центр культуры становится гибридным. Вместе с гибриднойностью он теряет чистоту, принципиальность, единство и т. п. Тотальная революционная программа остается «программой», в соответствии с концепцией И. Лакатоса, в то время как тотальная реальность становится гибридно-провинциальной.

Таким образом, инновации ведут к провинциализации целого. Этим самым мы фиксируем уже двойной про-

винциализм новаторской деятельности. Во-первых, она рождается в провинции и мигрирует в центр, во-вторых, максимальное влияние ее на парадигму центральной культуры в конечном итоге приводят к провинциализации центра как по форме, так и по содержанию. Столичность и центральность требуют известного изоляционизма, активного, агрессивного консерватизма. Либерализм психологически весьма столичен, но по своим последствиям ведет к провинциализации.

Наконец, третий тип провинциального авангардизма – рефлексивное насаждение провинциальности, то есть выдвигание провинциальности на первый план не по содержанию, а по самой форме. Обобщая опыт авангардных новаций, новый авангард уже не верит в провиденциальность своего содержания, но насаждает самую провинциальность в ее откровенной форме. Здесь авангард смыкается с обыденным демократическим подсознанием, известным еще как «культ понятности». Демократическое сознание стремится к просвещению, но тайне уповает на доступность культурного материала, на понятность. Процесс понимания есть как раз аристократический либерализм, уходящий в прошлое вместе с закатом столичности. Нужно различать, таким образом, два типа воинственного непонимания: непонимание, опирающееся на консервативный академизм – когда все, что не соответствует ему, как нечто «варварское», отрицается с порога и даже не доходит до проблемы понимания. И агрессивное непонимание, не имеющее формализованного академизма, непонимание, основанное в большей степени на отрицании непривычного. Важно подчеркнуть, что второй тип непонимания тесно связан с маркированностью непривычного. Если оно маркировано «столичностью» – его принимают хотя бы формально, как эмблему, и есть надежда, что со временем – поймут. Если же на непривычном нет марки «столичности», его просто отбрасывают. Частично авангард стремится поэтому совмещать непривычность с маркированностью «столичности», при этом эксплуатируется идея новизны как заменитель столичности. Это становится возможным тогда, когда пограничность авангарда становится синонимом его столичности. В политическом отношении это соответствует тому, что военные или силы безопасности берут в руки функции гражданской власти.

Иной аспект темы «провинция» заключается в категории «любительского». Любительская деятельность, любительское искусство в частности, является примером «новой провинциальности». Суть любительской деятельности состоит в том, что она не соотносит себя с историей, а только со своими внутренними экзистенциальными ценностями. Если для художника-авангардиста задача состоит в превращении своей экзистенции – путем ее оформления – в новый тип исторических культурных значений, то для художника любителя такой задачи не стоит. Таможенник Руссо и Пироманишвили обозначают собой загадочную вторую границу, за которой вовсе не столица и не авангард, а за которой бесконечная провинция.

Художник-любитель или провинциал живет в мире «окрестности», он существует в окрестностях собственного сознания и моделирует мир, не выходя за эти окрестности. Это тип спокойного эгоцентрика, эго которого, не совпадая ни с какой объективной культурной целостностью, не чувствует никакого ущерба от этого. Таково, однако, сознание только идеального любителя, подлинного любителя, того, который действительно любит свое занятие, а не того, который мнит себя скрытым до поры до времени новатором или вечным учеником некоей академии. Тип сознания, свойственный такому любителю

на самом деле оказывается совершенно новым для классического искусствознания. Категории классического искусствознания историчны, любитель – вне истории, его критерии академичны, а любителю нет дела до академий. Любитель – это уже не фольклорный художник, это нечто совершенно новое: это зерно самодостаточной личности с совершенно неясными перспективами существования. Исходя из материала и форм любительского творчества, можно всегда выяснить, на какие центральные ценности оно ориентировано. Но эта ориентация не означает стремления к прогрессу в данном направлении, в этом все дело, и в этом возможная ошибка при его категоризации» Понимание любительства выходит за рамки категорий и языков и погружается в эмпатию, относительно которой можно что-нибудь сказать только из той же окрестности, в которой оно существует. Грубо говоря, из жизни того же ЖЭКа.

Самое главное – изменение функций категориальной определенности любительского искусства. Для нелюбительского – для профессионального искусства, к которому мы должны отнести академическое и авангардное творчество, категориальная структура является главной. Здесь всякое морфологическое явление категоризовано в статическую (академия) или динамическую (авангард) структуру значений: в космос или в историю. В любительском искусстве материал не отличим от его категориального места, материя от значения, они живут неразрывно, слитно.

Для тех, кто оценивает вещь по ее соответствию требованиям места, то есть категории, все любительские искусство вообще не представляет никакой ценности – это грязь, мусор, хлам, пыль. Противоположная точка зрения состоит в том, что категории не ценятся высоко, так как они произвольны и изменчивы – ценен только сам материальный предмет, каким бы он ни был. С такой позиции ценна всякая вещь, в том числе и мусор, и грязь, и пыль. Был бы предмет – категория найдется.

В социально-психологическом отношении эта позиция соответствует потенциальному достоинству любого человека и априорному отождествлению индивидуума и личности. Здесь действует принцип: раз я существую, значит, я личность. Иными словами, это точный зеркальный вариант декартовского «когитусэргосум»: раз я существую, значит, я мыслю. Декларация прав здесь отождествлена с декларацией способностей. Отсюда также тезис: незаменимых людей нет, каждый способен на все и пр. Отсюда же бюрократическая свобода, которая является абсолютной, ибо бюрократия – как и художественная рефлексия – может подыскать категориальную функцию для любой конкретной морфологии. Дюшан, выставивший в музее писсуар, лишь повторил принцип бюрократического произвола при назначении на посты. Писсуар был назначен на пост Аполлона Бельведерского «дирекцией» выставочного зала.

Однако подобного рода крайности выводят нас за рамки позвольительного употребления термина «провинция». Это уже какая-то иная провинция, ибо здесь центральность получила широкие гражданские права и растеклась по всему пространству бытия. Трудно сказать, в какой мере новая ситуация отходит от оппозиции центр – периферия. Быть может, здесь дело именно в том, что в провинции было легче спрятаться от начальства, чем в столице, что провинция была местом ссылки, что там что-то еще созревало и смешивалось. Что же происходит в новой неразличимости провинции и центра, пока не ясно.